

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Существует расхожее выражение: «Когда пушки грохочут, музы молчат». История самой чудовищной в памяти человечества войны против гитлеровских полчищ опровергла эту аксиому. Победа над коричневой чумой, стоившая неисчислимых жертв, стала торжеством Добра над Злом, определила на долгие годы развитие жизни на планете. В эту победу внесли огромный вклад писатели, такие как Дмитрий Снегин, Бауыржан Момышулы, Павел Кузнецов, Сагингли Сеитов, Леонид Кривощёков, Жубан Молдагалиев, Леонид Скалковский, Калижан Бекхожин, Александр Елков, Касым Аманжолов, Михаил Балыкин, Баубек Булкишев, Музафар Алимбаев, Малик Габдуллин и другие, вдохновлявшие воинов, весь народ на подвиги, на неутомимый ратный труд, переломивший хребет фашистскому зверю, нацеленному на мировое господство.

И сегодня мы вспоминаем страницу за страницей этапы и подробности эпопеи, которая писалась кровью и судьбами наших отцов и запечатлелась во множестве произведений литературы и искусства.

Поздравляя всех ветеранов войны и трудового фронта и весь казахстанский народ с 80-летием Великой Победы, выражаем надежду, что художники слова будут продолжать традицию верности высоким идеалам.

Вечная слава великому народу и его героям, вечная память об их подвиге в сердцах благодарных потомков!

Председатель правления
Союза писателей Казахстана Мереке Кулькенов





Степан ЩИПАЧЁВ

22 июня 1941 года

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и
кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь,
к цветку приник,
и пограничник протянул к ним
руки.

А немцы, кончив кофе пить,
в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою всё дышало тишиной,
что вся земля ещё спала, казалось.
Кто знал, что между миром и
войной
всего каких-то пять минут
осталось!

Я о другом не пел бы ни о чём,
а славил бы всю жизнь свою
дорогу,
когда б армейским скромным
трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

Дмитрий КЕДРИН

История

По целым дням народ, сходя с ума,
Простаивал в очередях огромных,
А по ночам была такая тьма,
Что и старухи не могли

припомнить.

Из облаков немецкие листки,
Как ястребы, летели на колени,
И в деревнях гадали старики
По Библии о светопреставленьи.
Хозяйки собирались у ворот,
Гремела пушка, как далёкий молот.
Ползли слушки. И писем ждал

народ.

Стояла осень. Надвигался голод.
А над рекой, над полем,

над леском,

Небесный свод пересекая косо,
Вертлявый «юнкерс» узеньким

дымком

Выписывал гигантский знак

вопроса.

Аркадий Пластов.
Фашист пролетел. 1942



Александр ТВАРДОВСКИЙ

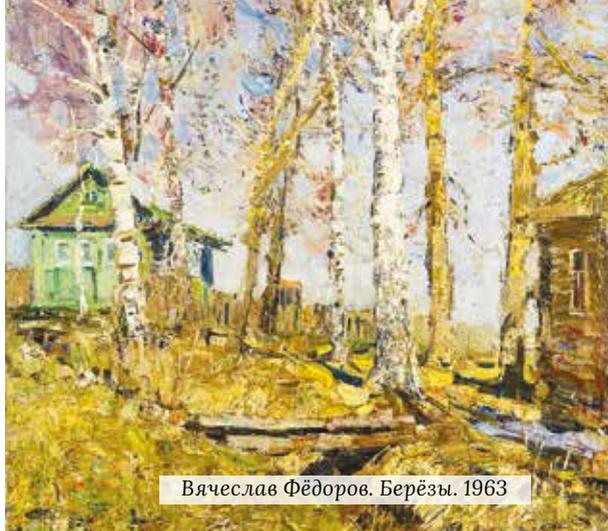
Зачем рассказывать о том...

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научён,
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочём.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год:
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждёт...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врёт:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идёшь вперёд?
Зачем рассказывать о том,
Зачем беречь нас,
Какой был сад, какой был дом.

Константин СИМОНОВ

Родина

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя
граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить
вместе надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну
большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.



Вячеслав Фёдоров. Берёзы. 1963

Зачем? Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто назло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.
Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живём, не по миру идём,
Есть что хранить, любить.
Есть, где-то есть иль был наш дом,
А нет – так должен быть!

Клочок земли, припавший
к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким
ивняком.
Вот где нам посчастливилось
родиться,
Где на всю жизнь, до смерти,
мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы
всей земли.
Да, можно выжить в зной,
в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть...
Но эти три берёзы
При жизни никому
нельзя отдать.





Виктор Крылов. Шахтёры уходят на фронт (Караганда, 1941 год). 1967



Пётр Кривоногов. Поединок. 1964

Муса ДЖАЛИЛЬ

Слеза

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих чёрных глаз
Покатилась светлая слеза.
И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.
Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испытать
И за всё жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.
И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз.
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слёз.

Семён ГУДЗЕНКО

Перед атакой

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв – и умирает друг.
И значит – смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черёд,
За мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год –
ты, вмёрзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.



Алексей СУРКОВ

В землянке

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.



Виктор Пузырьков.
Впереди мир. 1984

Булат ОКУДЖАВА

А мы с тобой, брат, из пехоты

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счёты...
Бери шинель – пошли домой.
Война нас гнула и косила.
Пришёл конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель – пошли домой.
К золе и пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись...
Бери шинель – пошли домой.
А ты с закрытыми глазами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель – пошли домой.
Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днём вчерашним?
Бери шинель – пошли домой.
Мы все – войны шальные дети,
И генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель – пошли домой.





Николай Бут. Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой. 1960

Евгений ВИНОКУРОВ

В полях за Вислой сонной...

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подружки,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвой
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Но помнит мир спасённый,
Мир вечный, мир живой
Серёжку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Ну что с того, что я там был...

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недалёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд –
я в нём, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне –
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..



Владимир Серов, Иосиф Серебряный,
Анатолий Казанцев. Прорыв блокады. 1943

Юлия ДРУНИНА

Я только раз видала рукопашный

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Борис ПАСТЕРНАК

Победитель

Вы помните еще ту сухость в горле,
Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горланили и пёрли
И осень шагом испытаний шла?
Но правота была такой оградой,
Которой уступал любой доспех.
Всё воплотила участь Ленинграда.
Стеной стоял он на глазах у всех.
И вот пришло заветное мгновенье:
Он разорвал осадное кольцо.
И целый мир, столпившись

в отдаленье,

В восторге смотрит на его лицо.
Как он велик!
Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Всё, что возможно на земле и небе,
Им вынесено и совершено.

Сергей ОРЛОВ

Когда это будет...

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берёз
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слёз.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.
Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, –
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.



Владимир Штраних.
Праздник Победы 9 мая 1945 года. 1946